

кабинетный ученый
[kʌbɪn'etnyɪ utʃ'ɔ:nyɪ]
armchair-scientist.ru

Канат Омар
ГОРОД КРАДЕТ МЕРТВЫХ

Кабинетный ученый
Москва — Екатеринбург
2023

Поэтическая серия «InВерсия»

Выпуск 16

Кураторы:

Наталья Санникова,
Екатерина Симонова,
Юлия Подлубнова

*Утро оставалось такое же сырое и тихое;
воздух не согревался;
по серому небу не ползло ни облачка;
все серело, как опрокинутая миска,
и только с севера на юг как будто тянулся какой-то
крошечный обрывок мокрой бечевки;
не было это облако, не была это и бечевка.*

Николай Лесков

Омар К.
О57 Город крадет мертвых / К. Омар ; послесл. И. Кукулина. —
М. ; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2023. — 108 с.
(Серия «InВерсия»; вып. 16).

ISBN 978-5-7584-0609-0

Канат Омар — поэт, прозаик, переводчик. Родился в 1971 году. Окончил Санкт-Петербургскую академию культуры по специальности «режиссер кино». Публиковался в журналах «Воздух», «Волга», «Двоеточие», «Литегатура», «Новая юность», «Носорог», «Цирк Олимп+TV», «Эмигрантская лира», TextOnly и др. Участник антологий «Явь и сны: Новая поэзия Казахстана», «Освобожденный Улисс», «Антологии анонимных авторов» и проч. Автор пяти книг стихов. Редактор полилингвистического журнала ANGIME. Стихи переведены на английский, испанский, казахский, китайский, немецкий, португальский, сербский и французский языки. Живет в Астане.

18+

© Канат Омар, 2023
© Илья Кукулин, послесловие, 2023
© Кабинетный ученый, 2023

ISBN 978-5-7584-0609-0

ЭТО В МЕНЯ СТРЕЛЯЛИ

когда пожилые родители пересидев у дочери
все три кошмарных дня
и заставив сидеть с ними сына
который поначалу рвался на площадь чтобы видеть
своими глазами
как народ наконец говорит
пусть неумело косноязычно задыхаясь от ярости но честно
и оттого речь его чиста
а потом увидев по центральному телеканалу
(потому что интернет сразу отключили а независимых
журналистов
сделали зависимыми от воли случая и пули-дуры)
погромщиков с их криворотыми предводителями
тех самых титушек знакомых по зарубежным новостям
прошлого десятилетия
а следом за ними трясущихся от вожделения мародёров
рушащих любимый город
то сразу как-то сник и просидел с ними вместе
все эти три дня
со стариками сестрой и племянниками
так вот когда пересидев три дня у дочери и дождавшись затишья
пожилая пара отвозит сына на стареньком митсубиши
до самой его квартиры
чтобы с ним ничего по пути не случилось и затем успокоенная
возвращается наконец домой
её без предупреждения расстреливают военные
прицельным огнём на поражение
очень точным как на стрельбище или экзамене
на политическую зрелость
умение стремительно развернуться по ветру
и сохранить невозмутимость
как будто бы это совсем не позорно и несгибаемые предки
столетиями
учили именно этому

и автомобиль взрывается и горит на перекрёстке
как во время войны
которую объявили себе
не спросив никого
и никто его не тушит потому что никому нет дела
и сын всё никак не может дозвониться до стариков
и потом они с сестрой ищут по всему городу
звонят в полицию больницы морг
и только на четвёртый день находят останки автомобиля
на том самом перекрёстке
и сын собирает пошатываясь
рассыпающийся пепел любимых
обугленные косточки матери
хрупкий как ёлочная игрушка из новогоднего детства череп отца
и никак не может отскоблить
от металлического остова
драгоценную присохшую грязь
шепчущуюся с ним золу
и тогда ему помогают сделать то что он должен
те кто давно мертвы
когда об этой истории
как и многих таких же
— о застреленных детях о сгоревших заживо семьях о пулевых
отверстиях в окнах мирных домов —
рассказывает жена
её рука с чашкой дрожит и красный остывший чай
едва не выплёскивается на белоснежную
рубашку с короткими рукавами
а почему она в рубашке когда за окном январь
ведь она сидит за кухонным столом у окна и смотрит
не отрываясь на улицу
от которой тянет холодом
кто мне ответит

5 февраля 2022

ТЕМНЫЕ ВРЕМЕНА

* * *

чирк в сумерках и вот
лицо горит в ладонях
то еще
у девушки на балконе
с распахнутыми от счастья глазами
запрокинув голову
обжигая кожу

ШЕЛУШАЩИЙСЯ

овеществляется материя
из небывалого *при чем тут*
напуган озером и охнул
в ковбойской шляпе карапуз

наполнен сумерками остров
зачерпнут рядом и продрогший
до послезавтра опрокинут
пронзен и дремлет наугад

* * *

то ли птичка а то ли чертик
то ли грохнется дикий рояль
ухнув с самого шпиля над кривой балюстрадой
прошуршав
я лечу над котельнической
и хоть нет ни фанерных крыльев
ни телогрейки фартовой
я царапаю воздух как сеня стекло
биохимик в очках со шпалерной
что кишочек витых тугострунных касался тогда
точно сыч а то ли медведь
то ли нунций а то и легат
эmissар лесоповала

ЧАПАЙ ОКРЫЛЕВШИЙ

с разевающей пасть буркой-крылом за спиной
чапай окосевший
в папахе набекрень
на голливудском коне братьев васильевых
размахивая рваной рукой
с несуществующей сабелькой
мчится не в сторону не по линии горизонта не за кадр
в психической киноатаке
а сугубо навстречу
беззубым суккубам
закручиваясь усом на скаку что твой огурец сумасшедший
на бешеных грядках смертельно опасных
для мировой революции великой депрессии гражданской войны
и прочих насекомых-вредителей
мешающих крестьянской любви к огородничеству
и землеустройству
возне с черноземной лепниной и черносливом навоза
сладостно преющем в предвкушении
осеннего золота

разом смахнуть всех буржуев
вострой сабелькой с налету
и ни секунды не мешкая
ускакать на луну
бибигоном бессмертным со сверкающим оком
пылающим чубом
конским храпом и топотом вражеским
сопровождаемый вечно

если хватит сил

электричества и киноплёнки
в проекторе

* * *

что показывают сегодня за окном

немного народу
в сумеречную погоду

к примеру вон невеселый гном
перекатывающийся с боку на бок
в попытке докатиться до жизни такой
в обнимку с мертвой женой
наушники по-прежнему гудят аббу

вон раздавленный пес
чересчур доверчивый
до судорог обожающий всяких людей
даже сейчас
присохший к выщербленному асфальту

можно бесконечно перечислять все что попадает
в магический прямоугольник

который очерчивает глаз
даже когда выпускает луч по касательной
к дрожащим кривым переменных и колеблющихся констант
называемым просто видом
из нашего окна

от пола до потолка
от потолка до пола

вон топает себе в рушащуюся за углом школу
мальчик с ранцем за спиной
откуда тянет яблочным пирогом
еще теплым
завернутым в вошеную бумагу
старшей сестрой плачущей над снимком мамы в гааге

когда та приучилась выпивать по утрам
чтобы не думать о папе

вон последователь профессора амосова
в ярко-оранжевых тапочках и шапочке лыжной
вихлястой походкой пытающийся продлить
упругое существование

баюкая при этом грыжу
подстреленный снайпером в дымящемся косово

вон тинейджеры посмеиваются над непогодой
дворник который предчувствует ураган
и запирает все что возможно прячет все что плохо лежит
бабуля которую из дома выгнали ноющие кости
плетется не понимая куда и зачем
потряхивая сумочкой драной
как будто бы уже собралась а тут эти гарь и туман

возможно ей кажется
солнце больше не постучится в окна и двери брно
не коснется иерусалима стерегущих золото грифов
не шагнет в медину
не посвистит в херцег нови

перечисляй локации
милые твоему слуху
под рев бомбардировщиков вульгарный призыв коровы

ПЕРВОЕ СЕНТЯБРЯ: ВОСКРЕСЕНЬЕ

первое сентября воскресенье премьеры
для кого-то ура для кого-то расстрел с каруселью
нет ни мальчишек с цветами ни девчонок с шарами
и в фартучках
но зато отовсюду изо всех подворотен и арок
вытекают струятся мельтешат пузырятся и брезжат
потемневшие очерки на которых ни блика ни сверка
все в плащах пусть коротеньких но глухих и скрипучих
как тоскливая речь нет точнее не речь но попытка глухонемого
лиц не видно у них и прически точь-в-точь по лекалам
парикмахера-беженца и его утонувшей супруги
но вот это как раз и притягивает замерших у окна
недоучек в запасе с винтовками у них в голове
силуэты разведёнок и вдов
в самый смертельный день полугодия мрака и холода
оттого угасают едва прикоснувшись к сырому висящему воздуху
что уже не играют с лучами отважные ножки
не отражается небо в ослепительной коже
бесшабашных и нежных
вместо этого тени мелькающие и невесомые
в электрическом камуфляже искр и скрипов

ПРОМИСКУИТЕТ

они смеялись
потому что было так хорошо как не было уже давно
они могли говорить не задумываясь
острили как матросня в портовом кабаке
с развязными подругами в обнимку
и не было ни лет ни гендера ни прочей шелухи
каждый готов был обняться и танцевать на столе
уснуть под столом
если это что-нибудь значило
отдать все что найдется в карманах
в обмен на то что потеряно в мертвых кинотеатрах
полыхающих беснующимся самолюбованием
ледяным завистливым безгубым
каждый хотел говорить говорить говорить
все острее точнее и жестче
так что палуба ходила ходуном и стены скрипели на поворотах
и казалось это самое лучшее
что могло с ними произойти
и все же все понимали или хотя бы догадывались
хотя бы под утро
что на самом-то деле
все они здесь чужие
и уже невозможно помочь уже никого не вернуть
как ни пытайся
да и не надо пытаться
поскольку проходит уже
планеты скрипят и завывают
и в паузах слышен их скрип
режет слух фантастический вой
и времени совсем не осталось

А. С—ну

* * *

как саша встретят на востоке внезапной страны
если мы не вооружены?
пустят с детьми и старухами через кордон
те кто хмур и вооружен?
я не знаю откуда вопросы в моей голове
ведь порой не в себе и едва ли вольны
разумеется мы говорим о войне
нет нет нет не хотим говорить о войне
это рифма дурацкая плавает в молдавском вине
это рифма захлебывается в грузинском вине
это рифма в армянском хрипит коньяке
это рифма в турецком рычит языке
это рифма сипит в истеричке зурне
я не знаю откуда о чем и чему
тянем ноту как сонные мухи вдыхаем чуму
и с какой-то толпою вась-вась надуваемся всклянь
под столами ночуем как рваная пьянь
сам не знаешь чего и в какой стороне
и молчишь улыбаясь с дырой в голове
расскажи-ка давай о такой стороне
улыбаешься куксясь дырою во сне
отвечай же скорее в какой стороне
морщишь зябкое о а там уже снег
не ответишь теперь какой это знак
громыхает под окнами сон-автозак

* * *

день за днем
перед настольным календарем
ей не помочь
проводит всю ночь

дни напролет
бьется об лед
всматриваясь в реку
вслед человеку

который пошел один
без шапки в пустой магазин
за деревенской рекой
как был небритый босой

в начале зимы по льду
ду его теперь или не ду

думает баба лежа на снегу
вернее под снегом сама ни гу-гу

* * *

сверкают птицы флаги ломаются елозят и схлопываются
так всегда здесь перед бураном
особенно мартовским непримиримым
в несокрушимом отчаянии
подвывающим в арках и подворотнях пустых новостроек

после
птицы как прежде сверкают а флаги

ну что эти флаги
кому до них дело до перевертышей страха

* * *

непутевые чайки кричали куда ты чего там ату его вот он
стреляйте стреляйте стреляйте

* * *

утренние тени самые стремительные вытягивают шею без усилий
летят стремглав по влажному асфальту
наискосок
пересекая проезжую не соблюдая громыхающих
правил

в это же самое время солнце незаметно повертывает во рту
разъяренного света
шелестящие растения и городские окаменелости
и не сдержавшись дует на них

отражения домов и городских деревьев летят высунув язык
через проспект
с беззвучным шлепком плюхаются о зрачки глядящего
впросонках

по ту сторону притворяющегося невидимым и текучим
но такого твердого на ощупь
испещренного прозрачными следами насекомых катастроф
оконного стекла

смотрящий не видит слушающий не слышит
ни бесконечной речи ни удлиняющих
собственное существование
неназываемых неопознаваемых мгновенного кордебалета

поскольку усталился на вещественные доказательства власти
одних над другими
в ядовитых люминесцентных жилетках
поверх полицейского кителя
не доверяющих никому дорожную разметку поверх
уже существующей

дабы ничто не мешало бегу трепещущих
в распахнутый рот
дистанционно запускаемых с центрального пульта управления
умерших марафонцев

ПЕРВЫЙ КОМАР

первый летний раздулся в форточку оппозиционер
долгоносый голенастый
мне и миру шлет отважные реляции

травят типа оппозицию с клинками под прозрачными плащами
газом из заплечных вещмешков
с извивающейся гофрою с моторчиком
в маскировочных халатах белофиннов
на дрова давно пустивших лыжи с палками винтажных ветеранов

крылышка ульотразвуком за стеклом
зависает в воздухе невидимый
между небом и земной корой между влагой и жарою
между озером и зноем
хоть прихлопни семерых

никуда от него не скроешься

ВТОРОЙ КОМАР

бьется как сбившийся с курса
ищущий маму и папу
выход и вход

точку для невозврата
ввода тревожащих данных
бьющихся о стекло
запаниковавший курсор

там за стеклом монитора
бьется в припадке река
под бесконечным обстрелом
серого батальона
мокрой шеренги шинелей
топающей по воде
под командованием утра

бьется курсор но не плачет
видимо он не курсор
видимо это не утро
не пустой монитор
смотрит туда и обратно
сам себе и добыча
сам и убийца и вор

смотрит и бьется и дышит
и даже похоже кричит
птичьей каракулей
вовсю голосит
но ни нервной реки
ни скачущей шифрограммы
никак не различить

КЕНСАЙ

каждый казах желает чтобы его останки перенесли на кенсай
солнце чтоб грело землю над ним на склоне священной горы
дабы его драгоценный прах лучился сквозь глину
чтобы его потомку с одной стороны согревало затылок

и спину

с другой чтобы колени его с подошвами
нежило пухом могилы

эхо бы его молитв рассыпáлось вниз по долине
и дырявило гари и вони мембрану над городом
в котором гуляли и верили смеялись и лопотали
о том что вот-вот обещало вот-вот набухнуть и лопнуть
вот-вот распуститься и выстрелить

в воздух в тени над арыками

за нос водило годами и в степь не отпускало

только шептало на ухо потерпи еще скоро будет
все чего пожелаешь все о чем юным мечталось
и ничего не сбылось

2019

МЕДЛЕННЫЕ ПОЖАРНЫЕ МАШИНЫ

пусть они всегда будут такими
медленными и неуклюжими
пусть никогда никуда не спешат
переваливаясь с боку на бок
на шишковатых протекторах твердокаменных шин
огромных колес
под февральским дождем
согревающими сдержанно красным носорожьим видом
каждого кто внезапно замер
с чашкой у рта
засмотревшись на бесконечный проспект
приговоренный к бесконечному колесованию
расплывающийся отчего-то так нелепо так
беспричинно

ТЕМНЫЕ ВРЕМЕНА

средневековые хроники

когда заболела старушка из второго подъезда
они заварили железную дверь прорезали в ней дыру
для доставки еды и питья
подгузников для близняшек выше этажом
тампонов для девчат курева для ребят
а водку им по ночам таскали пацаны со двора

когда заболели в седьмом и десятом
а потом сразу в третьем восьмом и двенадцатом
двери уже не заваривали но дом оцепили
выставили ограждения вывесили объявления
о зараженной зоне
в городке зашептались держась за дергающийся
подбородок

когда и в соседних домах заболели
а в этом умерла сначала старушка
затем малыши выше этажом
девчонки с мальчишками их матери и отцы
и так в каждом подъезде

запретили выходить наружу закрыли больницы
прекратили продажу лекарств
но выдавали по пачке парацетамола в одни руки
ради него разрешали в аптеку группами по три человека
и если мать приходила с дочкой
или сыном
ей говорили нет вы из одной семьи так не положено
больше не дадим
и с позором выгоняли на улицу

а еще разрешали выгуливать псов
но не детей

и дети умирали в тишине
как потом говорили из-за недостатка обезьяньих вылазок
беспольной беготни ободранных коленок рваных панам
солнца воздуха и воды

когда лихорадило уже весь город и не было сил кричать
одни лишь стенания длились всю ночь и весь день
так что казалось город обрел наконец голос
и говорит с богом как умеет
и не всякий ли лабиринт лишь макет наплывающего
из послезавтра делириума

и вот когда уже весь город бился в предсмертных судорогах
весь без исключения
даже те кто живет под охраной
за высокой оградой из красного кирпича
вдоль набережной и на островах
куда въезд всегда запрещен

на загородных резиденциях завывли собаки
донесся звон разбиваемых стекол заметались огни
хлопок потом еще

они уже никого не стеснясь
затянули последний акт

над городом распустился салют
от вида которого остановилось сердце
последнего инвалида
а двое последних мальчика и девочки заплакали под столом

ночное небо расстреливали с невиданным сладострастием
в каждом лопающемся разрыве
лиловых сиреневых разбуженных гроздьев
слышался смех и горела ухмылка

те кто еще оставался в живых вышли на улицу
грозились кому-то над головой
плевались в холодную подпись
которая то и дело взрывалась в бессмысленном однообразии

как будто уже и сдерживающее рыдания небо
только синяя в алых разводах бумага
для указов и приговоров

ХИМЕРЫ

* * *

и раз и два! и раз и два!

монстры переплывают атлантику
в поисках востоковедов
куда деваться от напасти
вон пузыри на мелководье

и выйти прочь уже нельзя

покуда в коридорах носоглотки
гуляет затяжное послевкусие
покуда волк вопит из-под тамбова
на чем куда уехал кто?

ПОХИЩЕНИЕ

оглядываюсь
смахиваю с лица капли
и перебегаю хлюпающий пришептывающий
шепелявящий двор
как диверсант-любитель
с горячей добычей за пазухой

она так обжигает грудную клетку что весь путь
через тараторящие лужи
сбивается с ритма над головой и запинается на дифтонгах
немногословное облако

* * *

купила мне две скрипочки
одну простую другую золотую

не умею я играть на скрипочке
бормочу ей а сам присматриваюсь

невесомые обе по-видимому
ни к плечу прижать ни выжать луч тебе

запихаю за пазуху поскорей
улечу куда подальше

поглаживать буду невзначай
через грубую ткань рубахи

знаю ежели увидит кто
кинется с калашниковым наперевес

как же тут до моря машущего со всех ног
до друзей умирающих и уже умерших

виновато матерящихся в горизонт
светящихся что есть сил

доскакать доковылять доползти

* * *

почему помню их лица

всех моих растерянно лучащихся оборванцев держащих слово
отвечающих на глупые вопросы
даже не зная ответа

всех этих девочек разлетающихся на ветру выдуваемых за реку
равнодушно плывущих вслед солнцу ускользящему
из залитых ртутью лугов
воспаленного дежурной богиней
кривоногого грядущих потерь торжеством взъерошенного
зрения

не оттого ли что это было
когда кляксами головастика прозрачными мальками
резвились надежды в пруду

время само по себе никуда не делось
оказалось нет никакого завтра а лишь бесконечное лето
непрерывное утро сейчас

а вот их уже нет
как и улиц тех и реки и пруда и серпа краснознаменного
с МОЛОТОМ
на месте камня с горящими буквами

как и не было

ФЕТКЕВИЧ

внезапно вместо друзей и дерзких подруг
фронтвики обожженные временем
и миром

как такое возможно

ведь и в чудовищном сне от такого
хлоп через край и давай
в тартарары

только свист в ушах и смерзшиеся комья
на косицах бьют по спине

но нет
все наяву до рези
ни отдышаться ни выдохнуть

куда мы и зачем
что там
шрапнель над головой и кровавый хлюп под ногами

и это и есть то самое?

что обещалось в классных кабинетах
русского языка и литературы

светлых комнатах химии
физики и биологии иностранных языков
музыки математики фиолетового засохшего цветка
вложенного на перемене в учебник с вытертой обложкой
и мятыми углами

девочкой с прямой челкой каштановых волос
с фиолетовой фамилией
не поднимая глаз

* * *

кофе был маленький двойной
с ром-бабой
в фаянсовых чашечках на гипсовом карнизе
едва ли не вровень с мостовой

всегда был апрель или июль
и все уезжали
зато возвращались вскоре как будто разлуки не было вовсе

это было вот только
вот прямо вот тут только что
внезапно вернешься и разом лишишься всего

кофе не варят не возят в раскаленном песке
мосты не поднимают не свистят на реке

* * *

просыпается
в предчувствии аэроплана
с девочкой
с катетером на локтевом сгибе

(чтобы не дырявить бесконечно рвущуюся
кожу)

потягивает ошеломительную ясность
для кого-то битум отдающий пластмассой
слушает репина затем менухина
пока не скатывается до ойстраха/ростроповича/рихтера
караяна

захлопывает крышку макбука

роговицу протирает аквамарином
распускающимся в глубине топаза
прижавшегося к застекленной лоджии

ступает на ртутный асфальт
еще не просохший

и внезапно
вместо птерозавроподобного аэроплана с тающей
девочкой
хлопки кувырки и кульбиты
мелькающих логарифмов
над зазевавшейся крышей высоты

смотрит и вспоминает —
ответов на эту летучую клинопись
отыскать невозможно

а если возможно то разве только глагольные рифмы
и те на рваных полях
а позже и вовсе поймет что искать и не надо
что это одна из вещей
для которой ответов не будет

как и не будет *не будет*

как и девочки с аэропланом

как и дома с аквамарином
всплывающим в холодной воде
как сырое яйцо
танцующее в ладонях прозрачного
аквалангиста

* * *

скользит себе по острию
и сам не замечает
и кажется вот раз и нет
куда ты челдобречик

свалился в небо и пока
топ-топ куда не знаю
и вот уже как будто нет
дыши и три а толку

и только утром как-нибудь
когда как в полудреме
гулять пойдешь и тут как тут
хоть плачь и смейся вот он

* * *

выгнулся упругою дугой
какой-то невкусный
воздух и закругляется
в зарево и космос

поодаль улетающие лица
короткими курлыками толпятся
ждут последнего ау
хотя б попытки

как бы неощутимого кивка
незаметного удара
бьющихся о ткань на ощупь
мыльных пузырей

паутина гаснет
вздрагнув всем тельцем полупрозрачное существо
подпрыгивает в сереющий воздух

двуногое с плоскими ногтями запрокидывает голову
протягивает свету синее лицо
точно в попытке различить блики
какой-то шелест
дискретный алфавит разлуки

* * *

серое солнце субботнего полдня
август зевает
смотрит в окно вдыхает пряности жаркого лета
отдающие легкой гнильцой
киснувшей паданки листьев и влажной земли

тянутся ровные тени по бордово-бежевым плитам
от сохнувших тополей во дворе элитного комплекса
с охраной на въезде
вертлявыми камерами по периметру
отгороженного забором от остального города
от городских оборванцев алкашей с района сельской голытьбы
притащившейся ни свет ни заря на попутках

мальчик толкает качели с маленьким мальчиком
с очень прямой спиной и худыми плечами
в которые тот ушел с головой
с нахлобученной по самые уши бейсболкой
вцепившись в поручни

но вот их окликает мать из окна на седьмом этаже
и старший отважно тормозит движение твердого в воздухе
по опасной дуге

подает младшему руку
и тот прыгает на землю задержав дыхание

а когда они бегут к подъезду
над их головами проплывает тяжелым урчащим шмелем самолет
с тем кто пялится на них полузакрывшимся глазом
в иллюминатор

* * *

он бы дал нам немного истории
словил чего-нибудь такого
опасливо приотворяя влажную дверь из ванной
сожалел о газовом револьвере
с дробовыми патронами
купленном как-то на апрашке
и проданном за бесценок два года спустя
вернее отданном
в счет уплаты за комнату
бородатому мужу красавицы-корейнки
самоубийцы
как утром напишут
сжимая рукой даже не мыслеформу
увесистую как взгляд полицейского
а так
испарину остаточные явления
происшедшего
или нет
с ним как будто вон простыни еще не просохли
думаешь от слез думаешь
ее

ГЕРУНДИЙ

раньше бессмысленным римлянином
вскидывал руку и восклицал
— what's up! —
а в ответ пузырящийся смех
безукоризненный гендель
темный рокот герундий

но не так уж давно
приложение для крохоборов
моментальных разведчиков что повсюду следят за тобой
такое приветливое
и такое безграмотное
выкрало возглас у моего растяпы
задыхающегося протуберанца

я сопротивлялся как мог
устроив беспощадный саботаж
на отдельно взятой территории
не устанавливал пройдоху на свой устаревший
верный как деревенский
друг из просторного утра
когда пастухи выгоняли коров на луга
и все пацаны и девчонки
на глазах у тающих в памяти бабок и теток
выскальзывали на упоительный воздух пропахший навозом
в зарево нескончаемой улицы
которая скатывалась мимо дедовского пруда
туда в манящие обещанием
сверкающего
и бьющегося дерзкой полонянкой в руках
у перепуганного новобранца

луга
с ватагой таких же безусых

городишко
берущих на абордаж
улова

— повторяюсь —

не устанавливал на свой с металлическим корпусом
слепнувший blackberry
просто потому что его холостили безбожно
в моих эмпириях
из-за особых свойств
вызывавших оторопь у полковника секретных служб
и за которые его боготворили
вороватые олигархи и лидеры так сказать мирового зла
таких как
тайная свобода эпистолярной болтовни
пока завод где выдували трубки не разорился
(впрочем вины тех
из будки незабудки за углом
в этом скорей всего
нет)

но вот как-то летом
я вдруг обнаружил что многое стало доступным
и для моей ежевички
правда
как выяснилось ненадолго

она судорожно моргала пытаясь угнаться
за high tech комсомолом
и растерянно замирала в ожидании перезагрузки

и вот тут-то мне написали
из корпорации электрических монстров
и электромагнитных колебаний

о том что с никакого мартобря
они откажутся от таких как я
кто никак не отстанет от ветеранов
не способных на радостные кульбиты по новым протоколам

в погоне за счастьем в эргономичной
коробочке

и вот тогда-то я сдался

я предал мою ежевичку
и купил обещанье успеха
заключенное в пластик

я променял ее на любителя тактильных потрясений

теперь он героически едва ли не каждый день
требует внимания к себе
видите ли ему

поставленным трагическим баритоном

необходимы обновления

при этом теряет контакты записки и снимки

но я не стану звонить адвокату
ведь это я отказался от той
кто теперь лежит молчаливо с погасшим лицом
щурясь на книжной полке и
вздрагивая всякий раз
как мои пальцы флегматично коснутся
тычась в сухом полумраке
в поиске позабытых страниц
странников уходящих в рассветы
с удочками на плече
и парным молоком на припухших губах
которым поила младшая бабушка
самая беззащитная
нежная труженица-пчелка
брошенная в полумраке теперь навсегда

с говорливыми призраками наедине

и уже не дотянуться
не ткнуться в пропахшую старческим потом жилетку

не позвонить в ежевичный разбой
в лесу у реки
не проканючить гнусаво
о сбежавшем — в неразличимые ныне пределы —
молоке

мальчиковском

СЕНТ-ЛУИС: ОТСУТСТВИЕ

M. L. and J. F.

встречаемся в kayak's кафе!
в 8:30 естественно a.m.
здесь варят сносный кофе
и круассаны пыхтят самодовольно за стеклом
на пьедестале с бубликами и пирогами
маленького американского вднх
и всегда пожалуйста бесплатный wifi

но конечно самое-самое
все эти ошеломительные существа
каштановые перламутровые золотые
пепельные шафрановые льняные
кофейные бежевые кармин аквамарин и
пунцовеющие без особой причины
сверкающие белками нервных глаз
при малейшем намеке на опасность
сближения
испаряющиеся за поворотом
оставляя в воздухе только смущенный очерк
на углу северного скинкера и форест парка
сдуваемый первым осенним ветром

прикоснемся же к деревянной стойке
пока не поздно
прислушаемся к невероятному говору
принюхаемся к заблудившимся запахам
от которых в голове замешательство и долгий-предолгий звон
тянувший свое у — у — у
далеко-далеко за холмы
за поля для гольфа
за фонтаны дворцы и медных всадников
туда в такие родные

прерии из детских рваных книжек
и радостных громогласных лент в секретных кинозалах
пустых в послеполуденный зной
посреди рабоче-крестьянской недели

попробуем на вкус и пусть уже сумерки рушатся
и наступает то что должно наступить
кто-то скажет хэллоуин рождество воскресенье

в этом месте где кого-то уже так
не хватает

или это только так кажется
мне

ОТ КОФЕ УЖЕ ТОШНИТ, НО...

М. П. и И. П.

воспоминание о пролитом
ноябрьским но все еще вполне стрекозным а точнее
индейским утром
кофе
улетучилось
едва
приподнявшись на цыпочках
студентка в грошовом переднике
дернула вверх оконную раму
фантом фрамуги
в угловой забегаловке
наискосок от которой за перекрестком
реет как будто бы замок

где он теперь

безответственный запах

стандартный кофе

да и к чему теперь причитать
если даже тот кто пролил kaldi's coffee
и дышал им одержимый роденом воспоминаний
безжалостных как и четверть века назад
обезображенный предельными перегрузками что твой гагарин
улетучился
хоть и не навсегда но так далеко с континента
что где же тот веселый дирижабль
чтобы избавить его от причуды бежать босиком
по водам

ведь это не красное море не желтое
и к тому же
что ни день то цунами или подлодки
не поминая уже фукусиму

* * *

мир длится не прекращаясь
свидетельством тому птичьи перистые облака
рвущиеся через двор
разинувший рот посреди типовой застройки
вопящий ночной травой
влажной как губы хулиганки
у черной жемчужины озера горячей посреди гор
бьющий в нос неистовым запахом конского счастья
слегка пригоревшим
сводящим с ума после третьего бокала мерло
с чилийского высокогорья
кровоточащим то ли от того что так заведено до нас
то ли от того что это мы так придумали только что
высунувшись в ополоумевшее окно
орущее о правде
тех самых
влажных мучающих улетучивающихся

* * *

фыркающая в ультрафиолетовом шторме
свалке сбитых с курса лучей
потасовке циклонов и атмосферных фронтов
барахтающаяся в распаленной пене
машущая намокшей головой
потемневшей как глаза второкурсницы

пристально смотрящая на материк
поглаживающая деревянный инструмент выточенный
неизвестно когда и зачем

и разве только для музыки

беснующаяся в своем естестве
пробуждающая все что только может еще пробудиться
вытягивающая из земли
стволы и стебли
брызжущие клейкой кутерьмой взрывающихся почек
выстрелами неистовствующих листьев

с отвердевшими сосками задыхающаяся в предвкушении
исступленного боя не на смерть а за жизнь
готовая всех покорить

она видит разом всех насекомых в этом полушарии
но дует только на пчел
жужжащий конденсат бессмертия

сгущающий запахи до влаги беспамятства

персефона

СРЕДИЗЕМНОМОРСКИЙ ЛАНДШАФТ

солнце приближает подслеповатый пейзаж к пылающему
ореолу

в попытке хоть что-то разглядеть
нет не выходит
снопы огня на вас косопузая мелюзга
пыл и жар

топаешь себе в бермудах в гору
дети еще маленькие ты еще аль пачино де ниро и гир
озеро неженка сосны дышат сурово
но синди уже не скачет по кромке
кински не уводит зрачок из орбиты глазниц
джулия не тянет ног к потолку
своих потрясающих тянущих рваную ноту
рвушую тонкую память
ревушую
длиношеей высывающейся из окна кособокой высотки
тебе вслед
оттуда
где
солнце стоит стеной и дети
хватаются за хлопающие на ветру бермуды
а под ногами уже как будто бы склон

зато там внизу по ту стороны горы
мычит море
и у самой бессердечной и щедрой воды подмигивая
и высывая язык

призывно подняв руку над головой
качая грудями выгибая спину выпячивая то
что выпячивается само по себе
машет безупречная алессандра

и ведь всего-то что есть
это ряд волшебных изменений как говорилось у классика
и то
разве что в твоей
голове

* * *

так идет точно кисть выводит ее качающуюся походку
китайской тушью
острое перо вырезает в воздухе
ее очерк

капли сурьмы сорвавшиеся с волосяной метелки
оборачиваются диковинными зрачками
ныряющими в луже испуга висящей между ней
и всеми прочими
что переходят рядом проспект туран
внезапно обнаруживший себя в степной столице
ставят лапы на толстой подошве
рядом с едва ли существующими на самом деле
поражающими
беглой гармонией изломов и биссектрис
леонардовских округлений
ногами

ножками сказали бы в девятнадцатом веке
и не ошиблись бы

пусть себе несет
сквозь смог истошные гудки причитания сирен
летучий очерк

что в нем
кроме бесплодных сожалений о несбывшемся
том самом
что могло бы осенить чем-то вроде прикосновения
к разинувшему рот воробьиному детству

пусть себе течет
в треснувшем воздухе
с бантом будущей тоски об умершем
на точеной груди

* * *

и наберемся наконец дочери воздуха

на табличке из слоновой кости
первый случай поражения востока
вверх и вниз от дышащей реки

ливанские медведи ломают финиковые пальмы
у перевернутой воды

оливки антилопий глаз
и черный виноград суэца

кто плавал тот знает
верхнее море заката
и вересковый мед

* * *

облако ли крутит о ней она ли плывет под водой

скажи мы что теперь никогда

мело в стихах три дня а ночью
рухнул белесый дождь
дороги кривое стекло
впору когти обуть и с молотком на штурм

на всякую оторву свой раззява

мчс предупреждает полиция не пускает
машины за город
штормовое в замерзшей пустыне

отправить короткий текст за кордон и тут же в ответ отлуп
мог ли об этом секст царапая сырой картон
поглаживая залупу

на кпп какие сутки ни света
(буран оборвал провода)
ни чая

я уже ни в чем не вижу смысла звякает sms-ка
времени так много и нет
убийца

под черно-белые аплодисменты
гиперборейцев
на всех звуковых дорожках

* * *

потому что дело поэзии гибель и крах
ткущихся и расточающихся наверху
гобеленов тревожных и влажных
ни о чем не способных сказать ни о чем никому
ни тепла от них нет никому ни привета

бормочи бормочи бормочи

шебуршились в заколоченном на зиму кинотеатре
бестолково торчащем у сарайчика в ржавых доспехах
с намалеванной юным малевичем радужной вывеской тир
посреди центральной аллеи
щурящегося и поджимающего губы
парка покинутого неутомными девками с детками
и летних плейбоев толпою

не пугаясь волхвов пусть выламываются из деревьев
выпадают из шороха выдуваются из ничего проявляются
в воздухе

нависшего космоса
и смыкают насупившись кольцо бесконечного шелеста
с помутившей рассудок горчинкой сухою на ощупь

шебуршились шебуршились шебуршились

пусть ни толку от этой горячечной сутолоки
ни лада в бормочущем зареве лопающихся пузырей
в их причудливом ритме
что не может само по себе не развлечь
с видом не на море обещанное как будто ребенку
а на космический лед каблограмму
от приближающей глаз головокружительной правды

* * *

... но самое главное
это стрекот
этот невозможный сухостойный знойный стрекот
воздуха над средиземным морем
осуществляющийся посредством неуклюжих конструкций
осознаваемый отражающими не иначе как
радиоперехват
головастых и молчаливых
в черных блестящих доспехах
наяривающих полоумную симфонию
зубчатыми подкрыльями
на пару с горланящим в беспамятстве
солнцем

* * *

И. П.

как побитый и теперь уже бездомный пес
готовый загрызть всякую тварь
в неуклюжем авто громыхающем как пустые дроги на бетонке
вцепившуюся в липкий штурвал
у которой перед носом трясется дохлый зад
копыта в апреле откинувшей кобылы
впопыхах восклицает лишь
да чорт ли с окрошкой!
скажи-ка лучше дядя что там с волоокой
так и стынет впотьмах мерцает сереющими шевелит
а до пиписки не дотронется?
окропленная бахом обрызганная брейгелем
в недрах поганого супермаркета
в блядском передничке с выпуклым логотипом радости на час
семерых побивахом
силуэтом своим невесомым качающимся и кающимся
за кассовым аппаратом

РАЗЛУКА

и оторвавшись от себя
оставив медленное тело
идет в уборную как будто
а тело морщится и хнычет
сейчас вернется этот монстр
сейчас обратно влезет в шкуру
вонючий птеродактиль!

АПОЛОГИЯ РИСОВАЛЬЩИКА

1

трикстер

лечу тревожным почтальоном
как шелестящим молескином
подробно дергаясь и хмурясь
под карандашным острием

лечу в сумятице бумажной
штриховкой шороха очерчен
преображаясь бесконечно
выделывая кренделя

лечу на шелесте и мучусь
прозрачной графикой тревоги
мелькая выскочкой люмьером
у кулешова на виду

мчусь сломя голову на месте
шуршащим мороком разбужен
горячкой веера взъерошен
четке виттовой учусь

зажмурившись ошеломленно
себя пролистывая бегло
шурша пизанской катастрофой
и шелкающим языком

рисовальщик

*барахтаешься под обложкой
летишь летишь не замечаешь
что на странице на последней
уже горящий протоп*

*вот-вот прожжешь бумагу-небо
как будто за полярным кругом
пока зима-сибирь на память
записывает от руки*

2

шуршащую пролистывает кто
прозрачную и шаткую колоду
гроссбух тоски
неведомую чушь
где запертый кривляка-оригами
графический живучий карапуз
летающий в космос а не то по воду
болтая беспилотными ногами
у шороха учусь чему?

разбить на озеро и греческий скандал
прозрачную и зыбкую цепочку
и выпустить на волю пузыри
пускай и фиолетового цвета
и вот уже оправдана развязка
которую придумала природа
прислушайся что делают китайцы
о чем скорбишь прозрачный сорванец

* * *

самолет этой маленькой но гордой авиакомпании
опять задержали
по слухам арестовали в аэропорту
соседнего государства
не склонного ко всепрощению
вероятно из-за свистящего пересохшими глотками
жалящего неба пустыни
чересчур кинематографичного
чтобы стать шатром для философа

кроме него там ничего и нет
газ невидимка не в счет
это эхо давно испарившихся мертвое и голубое
море подземных растений
проклятие нищих

от нечего делать елозил по ленте смартфона
тыча бесцеремонными пальцами в маленькие жизни
засыпающих и таких же одиноких
пассажиров
пока не наткнулся на черно-белые отпечатки с разрезанной
16 мм киноплёнки

мгновенную галерею деятелей всяких искусств
преимущественно
радетелей эхопарковой архитектуры
и незамысловатых ацтеков

между мастíней и фишёрой
затесался автор стихов о романтиках советской прибалтики
которой давно уже нет
лысый нескладный с прилежной щетиной
единственный с русской фамилией
озадаченный он сидел сутулясь

уставясь в одну точку
сомневаясь в своем праве представлять и соответственно
представляться

и подумалось вот она
русская поэзия
жмущаяся по углам
маленьких но гордых кофеен
едва ли кому-то нужная слегка недужная недоразбуженная
но все такая же мучительная
и недосыгаемая

в зале ожидания проклацал невыспавшийся тик-так
громкоговоритель прогудел о начале посадки
всех пригласили к гейту АЗ

С МЕСТА СОБЫТИЙ

Ф. С. и К. С., А. Р. и З. Р.

черногория горит
горят леса вокруг бока-каторской бухты
самолеты нато не справляются украинский вертолет черпает
морскую воду
бочкой подвешенной к днищу
таскает в гору по небосклону

сербские националисты говорят это хорваты
не могут забыть дубровник
черногорцы говорят это потому что
табор уходит в море

а пожар говорит
простите это мне так жарко
это я так хочу увести вас с собой
показать что есть радостного и что бесконечного
в тонком мире

федя ничего не говорит беспокоится за интернет
катю и кота
который вовсе и не
кот

а сене все равно
он любит всех и вся не только зою ваню осю
и все любят его
даже гекконы
даже прозрачные

вот он-то и говорит из-за горки расскажи мне еще о риелторах
о петербургских риелторах о каких же еще
о игуан окрыленный
златобровый цельнокопытный

а вода просто держит будущий пепел в ладонях
и ей тоже все равно
кто ты и откуда кто она и почему
просто баюкает под этим небом и этим солнцем
а больше ей ничего не надо

но кто тогда бормочет тут
а главное чему
и если я усну в воде не буди мене
мамо

МИХАЭЛЬ

лица беженцев
высечены из блеска
выточены из глыбы
антрацита
вырезаны из вьюги
египетской
перепутавшей ослепительный север и подслеповатый юг
дикий запад и ближний восток
реющий надо льдами архангельск и жаждущий рек арканзас
там на высокогорной трассе
в расколоте шлеме сорвиголовы
безголового всадника
неоправданно окрыленного
в мешковатой теперь униформе
стойко помаргивающего
упрямо сопящего
мчащегося неподвижно
не разбирая пути
не притормаживая на виражах
бесконечно руку протягивая падающим с хлопьями снега
девичушкам
под затаившей дыхание капельницей
путина клепсидрой меркель максимумом
олланда воителя туарегов
где болид?
где же твой межпланетный уродец болид
да болит
очень очень болит
ай доктор

ПОТОП

flimflam

думаешь эти козы притворищицы
миотонические как о них говорят
что твои полубморочные девицы
для которых вовремя шмякнуться оземь
на углу пятьдесят седьмой и пятой авеню
все равно что попасть на обложку
модного обморока

но откуда тогда эти горы белоголовых угрюмцев
сентиментальных голштинцев полорогих ватусси
завалившихся набок
с торчащими врозь точно трубки венгерских волюнок ногами

с мириадами губоногих
оседлавших одиночку худого
семиреченского лягушкозуба
целуясь с кокеткой листолазом ужасным
в метросексуальнейшем селфи

что за запах невероятный повсюду!

усиками тычутся в пузо
вздувшееся к полудню
коготками всверлиться хотят
вгрызться мордочкой в плоть чтоб согреться скорее
на севере стремном

и над всем этим весенним запустением
над захлебнувшейся степью
широко растекается оловом снотворное солнце

кажется мушки одни дрозофилы
копошатся малютки поют беспечально подружки

лопочут о том и о сем латинянки
передают из крохотных уст в малюсенькие уста
преданья старины глубокой
о легендарных двукрылых путешественницах краснооких
что когда-то слетали
в дальние дали

что терешкова теперь им? кто им гагарин?

и все различимей голоса амазонок с прозрачными
крылышками

мол это было в апреле когда-то
нам ли негоже последовать подвигу
прапрапрапрапрапрапрапрабабок крылатых
о которых двуногие белохалатники
гимны слагали и строили храмы которым
с батарей реторт
гирляндами колб и мензурок

трут беспокойные лапки
шелестят парусами несрочными
и все чаще и чаще подбородки они задирают
озираясь на небо
пытаясь прорвать дымовую завесу полудня

что там в глубинах полунощи
что за cosmo такой беспонтовый

космогония в танго замедленном там создающая толпы
гигантских нагих дрозophilов
дабы потешить гламурных девчат дрозophilочек робких
и столь говорливых

и затем последней стаей живых
существа внеземные покидают безвидную пустошь
поднимаясь все выше и выше
и оттуда крича
конечно осеннему ястребу вслед
из взорвавшейся в сердце зари стратосферы

* * *

не растолкуют никак звери мороза
не проскрежещут в ухо цыганские иглы
суровой нитью зашивая рты
зевакам плящимся на нищенские гирлянды
салюты испуга
отчего прилепляюсь к вам все больше и больше
девицы прошлых лет
бесстрашные хохотушки (теперь уже вы старушки)
царицы рвущейся наружу природы
с невинными лицами обнажающие громогласные
или шепчущие

изгибы
с таким достоинством и такой жизнерадостностью
что последний нью-йоркский бродяга растянувшийся
на тротуаре

согревался баночкой пепси
быстрее чем взрывной волной от пролетавших
вагонов подземки

а мальчишка скатывающийся с другого бока планеты
разинув рот всматривался в пузырь
одинокое мерцающий электричеством на шкафчике
резного дерева
на фоне двенадцати окон
уводящих взгляд подернутый пленкой беспощадного
головокружения

в пустоту за которой сибирь
громыхает бубенцами гремит замерзшими насмерть

30 ЛЕТ СПУСТЯ

а по сути что поменялось

ветер нес по асфальту пыль
девочки шли по бульвару
машины шуршали шинами

никому не было дела

пыльное стекло как и сейчас
отражало попытки воздуха
атаковать безразличную глыбу

это как раз таки то что требовалось
изо всех сил
больше чем что либо

чтобы не сказать иначе
но вот кому

те кто могли умерли не задумываясь
те кто остались рассыпались

поплыли по цветному стеклу заводского панно
плывут на стекляшках по пеплу
имени теперь неизвестного как глинозем

металлурга сикейроса многорукого швов окислителя
электролиза лжи

1916

пока плевались и пытели
трибуны кубарем ага
сукно тащилось на запад
а ларингтоны на восток
такая кувыркаясь блядь
под кафедрой совокуплялась
сама с собою география
сука

БОЛЬШИЕ ИНТЕРВАЛЫ

ИГРА В ГЛЯДЕЛКИ

десятилетняя китайка
стоит нос к носу с ужасающим мегалодоном
не шелохнувшись

бац!
нет скорее бум

стеклянный лабиринт колеблется

укус!

водонепроницаемое стекло искрится паутиной
мелких трещин

но стойко держит удар
гигантских зубов

игра в гляделки на глубине
кто кого

и

девочка остается в реющем над безмолвствующей бездной
стеклянном желобе

а

чудо-юдо океаническое монструозное
рыба-кит-акула
уходит в подводный ад

глотнуть белого кипящего шампанского

и совсем не

с

п

е

ш

и

т

оборачивается

как бы с сожалением

* * *

разинутые рты
захлебывающиеся на полуслове
уносит признаки смывающей знакомства и родства к началу
водой
мгновенной и бесповоротной

вчера еще дышали в ухо слюнявили рукав
а вот глядишь и нет ни их ни даже
сил
всмотреться в сих тех что клубились и размылись расплылись
и вытягивая ножку
спустились вниз
сгущающимся медленным осадком
от лопающихся

п

у

з

ы

р

там позади где далеко

е

где

ни — кого ни — почему и ни — зачем

й

* * *

верстовые трупы
мертвые с косами стоят

солью пахнет и водорослями
немытыми русалками и парусами

кто там машет пустым рукавом

из реки

ОТЧАЯНИЕ КАК НЕВОЗМОЖНОСТЬ

в дверь прямым вот и увидал
отчаяние шевелящее губами
и огонь разумеется лазури

как эхо и невозможность
произнести то что никогда не было произнесено

ни той

в намокшем платье обернувшейся на полсекунды
в ослепительном повороте оконных

ни кем-то еще

по крайней мере в пространстве мысленно обозримого

* * *

так миллиметр за миллиметром теряешь себя

забываешь имя того кто смотрел
как никто другой

затем горячим внутричерепным ветром сдувает и всех
остальных
кто спиной к спине стоял до конца
отчаянно выпрямившись задрав подбородок
покуда смыкалось кольцо вооруженных новейшими видами
обутых в литые

многоуровневые
с вонючими псами на поводке
у кого с черной пасти свисала слюна
слетала на наши худые коленки плюхалась на сандалеты

а что потом

а то что потом само сообщит о себе

за холмом семафорит подает сигналы за поворотом
только дотащись до угла уже неузнаваемой улицы

кому дотащись

и что это значит *дотащись*

до угла

вслух

за поворотом

это как

?

ПИСЬМА ДАТСКОМУ ДРУГУ

А. Р.

у нас тут всякое беззвучно говорят
трындят надувшись обо всем подряд
а слушать нету сил в такую злую рань
читатель ждет уж в рифму черно-белый бруклин выдуманный
переводчиком категории
С

а ведь еще чуть-чуть и все ведь рухнет
если уже не еще

или уже

еще еще

ну будет вам еще
уже

хотя на самом-то деле

7 минут как

а ртутные нейроны

все

еще

продолжают продолжают продолжают уже вхолостую
и никак не могут запомнить просачивающиеся сквозь
оберточную бумагу света
черты зевающего

нерона

ЗА ПРЕДЕЛАМИ БУБНА

у нас за окном настоящий нью-йорк
почему нью-йорк

потому что скулит как нью-йорк

приговорен к расстрелу
истощно заходится в вопле завывая сиренами бьется тревогой
в вертикальные

стекла и сталь

долетает до нас

а мы на шестом этаже
пялимся в панорамное окно бутылочного цвета
что твой человеческий аквариум

и хоть бы хны

повседневный и всеночный голливуд
для тебя и меня
зайцев с оборванным ухом

пухлым носом поводим туда и сюда
подергиваем подбородком
подрагиваем губами

и вдруг ни с того ни с сего визг во все горло

на радость лисам и совам
лунным собратьям и прочим парящим
лупящим что есть сил по барабану на весь неосязаемый
космический
барабаниющим в бубен бесконечного звука

выдувающего все что под силу увидеть и осознать
и все остальное
лепящего самим же собой все что слепить невозможно

гнущееся

разве что
слыша как будто бы там за пределами
бубна

всего что гудит за пределами этих пределов
там
где нет ни пределов ни звука ни бубна
ни
конечного ни бесконечного

а только протяжное *O*

как выдуваемое

выпуклым знаком

незрячим

но
ни кольцом ни волной ни лучом

* * *

медленно

без боли

выходишь из пор
разинув рот

как пар
без малейшего запаха

единой капли
стыда

за то что с нами было
что стало
раздуваясь самым монструозным с пустыми щеками
надуваясь месопотамией

ВОТ ТОЛЬКО КТО ЭТО
ИЗ НАС

ТЫ ЭТО

ИЛИ

Я

Илья Кукулин

МЕДИТАЦИЯ НА МГНОВЕНИЕ ПЕРЕД ВЗРЫВОМ

Говоря о творчестве современного казахстанского пишущего по-русски поэта Каната Омара, важно попробовать ответить на два взаимосвязанных вопроса. Первый — о чем эти стихи, какую работу они совершают? И второй — где, в каком пространстве они существуют, с кем они говорят? Такая контекстуализация нужна потому, что при первом взгляде на стихотворения Омара, помимо очень немногих (например, того, что открывает эту книгу) может возникнуть поверхностное впечатление, что эти произведения существуют словно бы нигде, в абстрактной «поэтической вечности», и не замечают болей и проблем современного человека. Это впечатление, однако, обманчивое.

После 1991 и особенно после 2014 года в русскоязычной поэзии стран бывшего СССР все больше усиливается процесс «разбегания галактик», становления не одной, а множества русских поэзий, интенсивно взаимодействующих с эпонимическими культурами. В Казахстане сложилась целая плеяда пишущих по-русски поэтов: помимо Омара, это Павел Банников, Мария Вильковская, Руфь Дженрбекова, Ануар Дуйсенбинов, Рамиль Ниязов, Дмитрий Колчигин, Иван Бекетов, Иван Полторацкий... Впрочем, из-за политических потрясений новейшего времени часть этих авторов оказалась в других странах, но, как правило, и в этом случае они хорошо помнят о своем «месте происхождения»: например, Вильковская живет в Вене, но презентация ее нового сборника в 2022 году прошла все равно в Алматы и для алматинских читателей.

Омар не стремится артикулировать в своих стихах специально «казахстанскую» или постколониальную точку зрения.

На московской презентации своего сборника «Каблограмма» в 2008 году Омар сказал о себе: «Я — русский сочинитель, казах по происхождению и гражданин космоса». Даже те реалии истории Казахстана, которые упоминаются в его стихотворениях, зашифрованы — хотя и хорошо понятны именно казахстанскому читателю. Так, назвав стихотворение «1916», Омар намекает на одну из самых трагических дат в истории мусульманских народов русского Туркестана — массовое восстание казахских, киргизских, узбекских крестьян, которых имперское правительство пыталось мобилизовать на тыловые работы во время Первой мировой войны; еще одной причиной восстания был отъем у крестьян земель и передача их русским переселенцам. В результате самого восстания и его подавления силами российских регулярных войск погибли тысячи человек, десятки тысяч казахов и киргизов бежали в Китай. Многие умерли по дороге во время этого «великого исхода».

Действие стихотворений Омара разворачивается в основном в современном глобализованном мире — без более точной локализации. Однако самоопределение «гражданин космоса» представляется мне недостаточным: необходимо прояснить, в каком смысле к стихам Омара применимо слово «космос» и каким образом по отношению к этому космосу можно быть гражданином.

В стихотворениях Омара возникает призрачная реальность, держащаяся едва ли не только на фонетике, ритме, аллитерациях. Эстетическая убедительность его произведений глубинно связана с порождаемой ими «звуковой волной», фонетической суггестивностью:

наполнен сумерками остров
зачерпнут рядом и продрогший
до послезавтра опрокинут
пронзён и дремлет наугад

Осип Мандельштам говорил об «упоминательной клавиатуре». У Каната Омара есть ссылки и на позднесоветские фильмы, фразы из которых превратились в своего рода поколенческие мемы («мертвые с косами стоят» — если кто не помнит, реплика нелепого солдата армии «зеленых» в исполнении Савелия Крамарова из фильма Эдмонда Ке-

саяна «Неуловимые мстители»), и на фольклорные выражения («покуда волк вопит из-под тамбова...» — аллюзия на НКВДшную брань «тамбовский волк тебе товарищ»), и на русскоязычную модернистскую поэзию XX века: «да видно пока никак» — тот же Мандельштам («Куда как страшно нам с тобой...»), «крылышка ульгразвуком за стеклом» — Хлебников («Крылышка золотописьмом...»). Герой (или героиня?) одного из стихотворений словно бы проговаривается, что для него/для нее русское и казахское эквивалентно: «...прощайся же с матерью скорее матвей / или как там тебя есугей». Есугеем звали отца Чингисхана; в современном казахском это имя произносится как Есекей.

Стихотворения Омара, однако, совершенно не являются пессимистскими (то есть устремленными в прошлое) — и уж тем более они не выражают настроений российского культурного империализма. Цитаты из российской поп-культуры и из поэзии русского модернизма нужны Омару для решения сугубо современной задачи, прямо противостоящей любой тяге к доминированию. В своих стихотворениях Омар показывает мир как хрупкий и пронизанный каждодневным насилием. Собственно, стихи для него и есть способ высказать, проговорить, сделать видимой эфемерность и неустойчивость реальности — и тем самым противостоять насилию и вооруженной, нерассуждающей силе.

но нет
всё наяву до рези
ни отдышаться ни выдохнуть

куда мы и зачем
что там
шрапнель над головой и кровавый хлюп под ногами

и это и есть то самое?

что обещалось в классных кабинетах русского языка и литературы
светлых комнатах химии
физики и биологии иностранных языков
музыки математики фиолетового засохшего цветка
вложенного на перемене в учебник с вытертой обложкой и мятыми углами
девочкой с прямой чёлкой каштановых волос
с фиолетовой фамилией
не поднимая глаз

Именно готовность принять мир как исполненный агрессии — но только для того, чтобы сопротивляться ей — сделала возможным появление процитированного только что стихотворения, которое, будучи написанным до 24 февраля 2022 года, говорит о том, что началось после — и что оказалось разрушительным для «музыки математики фиолетового засохшего цветка». Окружающая реальность беременна ужасом, каждый миг готова взорваться — и это напряжение как раз и образует нерв целого ряда стихотворений Омара. Когда же начинается реальная гражданская война, как та, что описана в первом стихотворении этой книги, или война внешняя, захватническая, — персонажи стихотворений Омара оказываются к ним психологически готовы: не столько к самому разверзшемуся вокруг них кошмару, сколько к тому, что в этой ситуации нужно действовать и сочувствовать.

Пространством для резонанса такой поэзии является потенциально весь современный мир. Русский язык, на котором пишет Омар, совмещает в себе две функции: это международный язык, позволяющий говорить о глобализации, высказываться изнутри нее, и объект тонкой фонетической работы, позволяющей представить реальность, как разбегающуюся в разные стороны и держащуюся неизвестно на чем. Это язык не государства, не пропаганды и даже, кажется, не конкретного культурного ареала — скорее, это язык, позволяющий индивидуальному воображению действовать через ритм и дикцию, уникальные для каждого момента. Развивая такую поэтику, Омар не ссылается на Хлебникова и Мандельштама как «культурные авторитеты», но скорее действует в порожденной ими эстетической традиции: полагаться на звуковую ткань, которая превращает стихотворение в самостоятельную реальность, находящуюся в диалогических отношениях с миром — но не пересказ и не анализ.

разбить на озеро и греческий скандал
прозрачную и зыбкую цепочку
и выпустить на волно пузыри
пуская и фиолетового цвета
и вот уже оправдана развязка

которую придумала природа
прислушайся что делают китайцы
о чём скорбишь прозрачный сорванец

В беседе с автором этих строк Омар сказал, что эта книга представляет для него уже завершившийся этап творческой эволюции. Стихотворения, созданные на этом этапе, могут быть уподоблены движущимся воздушным скульптурам, прозрачным и живущим собственной жизнью, без всякой практической цели. В своих движениях они позволяют на мгновение увидеть мир сияющим и наполненным метаморфозами — и в то же время, вглядываясь в эти фигуры, можно увидеть, как на заднем плане, далеко позади, на ткани реальности проступают все более заметные черные пятна. Поэтическая заслуга Каната Омара — в способности удержать эту двойственность фокуса между сиянием и засасывающей бездной. Стихотворения Омара, пусть и очень редко содержат упоминания каких-либо политических или исторических реалий, говорят о том, что происходило с человеческим сознанием до февраля 2022 года — и, вероятно, о тех скрытых токах, которые действуют в сознании теперь.

СОДЕРЖАНИЕ

Это в меня стреляли	6
<i>Темные времена</i>	
«чирк в сумерках и вот...»	10
Шелушащийся	11
«то ли птичка а то ли чертик...»	12
Чапай окрылевший	13
«что показывают сегодня за окном...»	14
Первое сентября: воскресенье	16
Промискуитет.....	17
«как саша встретят на востоке внезапной страны...»	18
«день за днем...»	19
«сверкают птицы флаги ломаются елозят и схлопываются...»	20
«непутевые чайки кричали куда ты чего там ату его вот он стреляйте стреляйте стреляйте...»	21
«утренние тени самые стремительные вытягивают шею без усилий...»	22
Первый комар	23
Второй комар.....	24
Кенсай	25
Медленные пожарные машины	26
Темные времена	27
<i>Химеры</i>	
«И раз и два! И раз и два!..»	32
Похищение	33
«вытекая из воздуха...»	34
Будто внезапные.....	35
«купила мне две скрипочки...»	36
«почему помню их лица...»	37
Феткевич.....	38
«кофе был маленький двойной...»	39

«просыпается...»	40
«скользит себе по острию...»	42
«выгнулся упругою дугой...»	43
«всяк уходит в свой дым перестает шевелить губами не отвечает в ватсап...»	44
Годовщина	45
«серое солнце субботнего полдня...»	47
«он бы дал нам немного истории...»	48
Герундий	49
Сент-луис: отсутствие	53
От кофе уже тошнит, но...	55
«мир длится не прекращаясь...»	57
«фыркающая в ультрафиолетовом шторме...»	58
Средиземноморский ландшафт	59
«так идет точно кисть выводит ее качающуюся походку...»	61
«и наберемся наконец дочери воздуха...»	62
«облако ли крутит о ней она ли плывет под водой...»	63
«потому что дело поэзии гибель и крах...»	64
«... но самое главное...»	65
«как побитый и теперь уже бездомный пес...»	66
Разлука	67
Апология рисовальщика	68
«самолет этой маленькой но гордой авиакомпании...»	70
С места событий.....	72
Михаэль	74
Потоп	75
«не растолкуют никак звери мороза...»	77
30 лет спустя	78
1916	79
<i>Большие интервалы</i>	
Игра в гляделки	82
«Разинутые рты...».....	85
«Верстовые трупы...»	88
Отчаяние как невозможность.....	89
«Так миллиметр за миллиметром теряешь себя...»	91
Письма датскому другу	93
За пределами бубна	95
«Медленно...»	98
<i>И. Кукулин. Медитация на мгновение перед взрывом</i>	100

Канат Омар

Город крадет мертвых

18+

Кураторы проекта: *Наталья Санникова, Екатерина Симонова,
Юлия Подлубнова*

Оформление серии *Альберта Сайфулина*
Верстка *Елизаветы Коптеловой*

Поэтическая серия «InВерсия»

Юлия Подлубнова Девочкадевочкадевочкадевочка

Александр Маниченко Ну или вот о нежности

Мария Малиновская Движение скрытых колоний

Гала Пушкиаренко Матрица Э. Дикинсон

Никита Иванов Василий

Константин Рубинский Теперь никто не умер

Кира Фрегер Куда Льюис Дэвис несет kota

Владимир Коркунов Последний концерт оркестра-призрака

Арсений Ровинский 27 вымышленных поэтов в переводах автора

Павел Басков Звук

Илья Кукулин Парабасис

Елена Михайлик Рыба сказала «да»

Евгений Ивачевский Эти прозрачные колокольчики

Люба Макаревская Еще один опыт сияния

Мария Вильковская Некоторые отрывочные сведения

Подписано в печать 02.10.2023. Формат 84 × 108/32.
Бумага офсетная. Печать офсетная.